

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А. А. ШАХМАТОВА

А н н о т а ц и я . Анализируется синтаксическая теория А. А. Шахматова с точки зрения ее эвристического потенциала и актуальности для современного языкознания. Доказывается, что понятие коммуникации в качестве психологической основы предложения, введенное А. А. Шахматовым в начале XX века, служило и продолжает служить надежным ключом к осмыслению предложения как важнейшей языковой единицы, а также для объяснения направлений его исторического развития. В отличие от господствовавших в европейском языкознании мнений, согласно которым в сочетании двух представлений, составляющих основу предложения, главным может быть любое из них в зависимости от воли говорящего, А. А. Шахматов утверждал, что господствующее и подчиненное представления коммуникации являются таковыми не по воле говорящего, а по их природе: господствующее представление – это представление о субстанции в материальном мире, подчиненное представление – это представление о ее изменчивом признаке, свойстве. Именно эта изменчивость представления о признаке, продиктованная природой его обозначаемого, и является толчком для синтаксического изменения в предложении, ибо язык, отражая опыт этнического существования, является важнейшим средством выражения этнического мышления. В этом состоят суть и эвристический потенциал синтаксической теории А. А. Шахматова, убедительно подтвержденные исследованиями по историческому синтаксису русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Шахматов, синтаксическая теория, коммуникация, предложение, типология предложений, мышление, эвристический потенциал, русский язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тарланов З. К. Универсальность и эвристический потенциал синтаксической теории А. А. Шахматова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 75–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1096

ВВЕДЕНИЕ

Языкознание, которое на протяжении XIX столетия развивалось в основном как сравнительно-историческое, к концу столетия добилось общепризнанных внушительных результатов прежде всего в области исторической фонетики и в меньшей степени в области исторической морфологии. Были выявлены и сформулированы, в частности, многие важнейшие закономерности в развитии фонетического строя индоевропейских языков, успешно реконструированы древнейшие праязыковые состояния. Вместе с тем за тот же период наименее исследованным не только в историческом и сравнительно-историческом аспектах, но даже в синхронно-описательном оставался синтаксис. Поэтому к концу столетия безусловно актуальными и востребованными в науке о языке в целом стали исследо-

вания синтаксические, которые призваны были преодолеть прежде всего ограниченность синтаксиса логического, продолжавшего господствовать и в науке, и в школьном преподавании с XVIII столетия.

Вопросы и проблемы синтаксиса особенно остро стояли в преподавании языка в средних учебных заведениях. Поэтому вполне естественно начало XX столетия в России было отмечено появлением целой серии монографических синтаксических работ, выполненных крупнейшими представителями русского языкознания этого времени: А. В. Добиашем¹, Н. К. Грунским², Е. Ф. Будде³, учеником и последователем А. А. Потебни Д. Н. Овсяннико-Куликовским в развитие научных идей своего учителя [5]⁴, А. М. Пешковским [6] и др.

Синтаксисом русского языка в этот же период глубоко заинтересовался и А. А. Шахматов, которого всегда влекли малоисследованные проблемы в науке. Среди новых работ по русскому синтаксису его особо заинтересовал «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского, который первым изданием вышел из печати в 1914 году и которому, как он считал, «принадлежит совершенно особое место среди исследований по русскому синтаксису» (цит. по [4: 7]). А. А. Шахматов совершенно справедливо называл его «ценнейшим научным пособием», в котором

«автор с удивительным талантом развил основные положения, добытые предшествовавшими исследователями, а прежде всего Потебней, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного» [4: 8].

Над синтаксисом русского языка А. А. Шахматов работал с 1916 года до конца жизни в 1920 году⁵.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А. А. ШАХМАТОВА

Приступая к работе над синтаксисом русского языка, А. А. Шахматов имел в виду не столько русский литературный язык, который и являлся собственно предметом изучения в школе и вузе, сколько русский язык в целом со всеми его богатствами. Необходимо было, однако, предварительно найти ответ на вопрос о том, как, каким путем двигаться, чтобы все составляющие синтаксиса русского языка были адекватно выявлены и научно квалифицированы.

Все еще продолжавший господствовать логический синтаксис Шахматова не устраивал потому, в частности, что в нем слишком узко трактовалось предложение в качестве основного предмета синтаксиса, отождествляясь исключительно с суждением. Конструкции, выражающие волю, предписание, модальность, вопрос, субстанциальность, понятием «предложение» не охватывались, тем самым они полностью выпадали из синтаксиса. Вместе с тем только что наметившийся прямо противоположный, формальный подход к синтаксическим исследованиям, предложенный, в частности, и его учителем Ф. Ф. Фортунатовым, согласно которому задача синтаксиса – заниматься не логическими или психологическими основами языковых фактов [8: 192], а только лишь связями между словами, выявляемыми в словосочетаниях, его и вовсе не устраивал, поскольку в этом случае предложение оказывалось вообще утраченным, ибо оно выступало в качестве особой разновид-

ности словосочетания. При этом многие типы синтаксических конструкций характеризовались как «неграмматические». Грамматическими признавались лишь те предложения, в которых подлежащее в именительном падеже соотносилось со спрягаемой глагольной формой соответствующего лица. При таком решении вопроса о предложении как предмете синтаксического изучения многие реальные типы предложений – безличные, инфинитивные, номинативные, вокативные, двусоставные тождества и другие – также выпадали из синтаксической системы. И такое решение вопроса А. А. Шахматова тоже не могло удовлетворить.

Таким образом, оба подхода, во-первых, были почти идентичны по результатам и, во-вторых, далеки от объективного описания и объяснения синтаксической системы русского языка в целом. Поэтому А. А. Шахматов отказался как от старого, логического, так и от нового, формального, подхода к синтаксическим исследованиям, предложив свой, третий, путь, восходящий, с одной стороны, к историко-генетическим идеям А. А. Потебни, а с другой стороны, к идеям и функционально-синтаксическим принципам А. М. Пешковского.

Следует отдельно заметить, что А. А. Шахматов и А. М. Пешковский, блестяще осветившие один и тот же современный русский синтаксис, но по-разному и с разных сторон, были близки научно-методологически и несомненно испытывали взаимное влияние. Именно об этом свидетельствует высокая оценка, данная А. А. Шахматовым первому изданию «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского. Совершенно ясно также, что основательной причиной для коренной переработки «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковским к третьему изданию в 1928 году, когда, как он сам писал в предисловии к этому изданию, «около 3/4 текста было написано заново»⁶, мог быть выход из печати отдельными изданиями в 1925⁷ и 1927⁸ годах «Синтаксиса русского языка» А. А. Шахматова, на что указывает и сам А. М. Пешковский, ссылаясь на статью С. И. Бернштейна «Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова», опубликованной в XXV томе Известий Отделения русского языка и словесности Российской академии наук в Петрограде в 1922 году⁹.

Определяя главную и универсальную единицу синтаксиса в качестве предмета исследования, А. А. Шахматов вслед за А. А. Потебней стано-

вится на историко-генетическую точку зрения, в соответствии с которой

«язык возник как средство общения людей между собою <...> с целью сообщения говорящим не названий отдельных представлений, а тех или иных сочетаний представлений, соответствующих душевным его переживаниям, обнаруживающих акты его мышления» [9: 17].

Все другие структурные единицы языка – словосочетания и слова – складывались «уже путем расчленения этих словесных знаков». Такие первичные словесные знаки, изначально являвшиеся средствами общения и сообщения, и называются предложениями.

Назначение языка, по А. А. Шахматову, – это словесное выражение мышления, психологическую основу которого «составляет тот запас представлений, который дал предшествующий опыт» [9: 17].

«Психологическую же основу предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем *коммуникацией*» [9: 17].

Введенное в научный обиход А. А. Шахматовым понятие «коммуникации», не сводимое ни к логическому или психологическому суждению, ни к понятию «пропозиция» в логике, но всегда представляющее собою выражение *сочетания представлений*, позволяло систематизировать все функционально и социально значимые языковые знаки, которые так или иначе служили целям общения между говорящими для передачи соответствующей мысли или реализации собственной воли либо желаний.

Коммуникация, по А. А. Шахматову, всегда двучленна и состоит из сочетания господствующего и подчиненного представлений, являющихся таковыми по их сути: представления о субстанции и представления о ее признаке, свойстве или отношении. А. А. Шахматов называет их соответственно психологическим субъектом и психологическим предикатом, которым в языке соответствуют грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое [9: 21]. Субъект и предикат коммуникации образуют два ее состава, следовательно, коммуникация всегда двусоставна. Выражаясь в синтаксисе, коммуникация может проявляться по-разному, а именно: 1) в полном объеме, что конституирует двусоставное предложение, в котором каждому составу коммуникации соответствует свой состав предложения; 2) двум составам коммуникации может соответствовать и один состав предложения, если одно

из представлений коммуникации остается языковыми средствами не выраженным.

Шахматовское определение субъектно-предикатных отношений в психологическом суждении принципиально отличалось от тех определений, которые были предложены представителями психологического направления в языкознании Габеленцем, Паулем и Вундтом [9: 22–26], в толковании которых господствующим членом психологического суждения является предикат, актуализируемый волей говорящего (логическим ударением). Прокомментировав психологическое суждение-пример Пауля *Карл едет завтра в Берлин*, в котором в зависимости от логического ударения предикатом может быть любое из входящих в него слов, а также пример Вундта *Сегодня день моего рождения*, где господствующим представлением также признается слово с логическим ударением, А. А. Шахматов уверенно заключает, что им «психологический субъект определяется как представление, по самой природе своей господствующее над представлением, поставленным в предикате» [9: 25]. Вместе с тем с учетом соображений Габеленца он допускает

«возможность в мышлении и таких представлений, которые, не будучи господствующими по своей природе, становятся таковыми в силу того или иного настроения говорящего, того или иного направления, данного им его сообщению» [9: 24–25].

То, как понимать господствующее и подчиненное представления коммуникации, являются ли они таковыми по их природе или по воле говорящего, имеет, таким образом, основополагающее значение для синтаксической теории А. А. Шахматова, поскольку это служит ключом к убедительному объяснению введенного им понятия «состава предложения». В зависимости от того, как коммуникация выражается в предложении, выделяются две группы предложений по составу: 1) предложения, в которых «субъект и предикат коммуникации находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения; это предложения двусоставные» [9: 31]; 2) предложения, в которых «сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене», это предложения односоставные [9: 30]. История становления и развития этих типов предложения А. А. Шахматовым не рассматривается, но его синтаксическая теория универсальна и в полной мере применима и к их истории. Трудно согласиться с гениальным В. В. Виноградовым, который, в частности, писал о теории коммуникации:

«Шахматовское учение о коммуникации как об основном акте мышления, лежащем в основе всех разновидностей предложений, носит явно метафизический и субъективно-идеалистический отпечаток. Непригодность этого учения для уяснения сущности предложения и для последовательного разграничения основных видов и типов его в русском языке непосредственно очевидна из самого «Синтаксиса» А. А. Шахматова» [1: 7].

Заметим, однако, что представления, сочетающиеся в коммуникации в понимании Шахматова, соотносительны с субстанциями и их признаками во внеязыковой действительности. Ничего субъективно-идеалистического в этом понимании не просматривается. Оценка В. В. Виноградова больше подходит для характеристики суждений Габеленца, Пауля и Вундта, за которыми Шахматов не следует.

Что касается эвристического потенциала шахматовской теории коммуникации, то он безусловен: его синтаксическая теория служила и служит ключом к объяснению разнообразия и систематизации типов предложений в русском языке в их становлении и развитии. Шахматовская синтаксическая теория не имеет аналогов и существует уже более ста лет, и за это время альтернативы ей ни в отечественной, ни в мировой науке не было предложено. Как показывает история русского языка, исторически предложение в согласии с теорией А. А. Шахматова развивалось разнонаправленно, развертываясь либо в субъектном, либо в предикатном направлениях коммуникации, а также центростремительно. Развитие предложения в субъектном направлении, в направлении господствующего представления, когда предикатное направление оказывалось приглушенным, привело к зарождению и утверждению односоставных номинативных, вокативных предложений и предложений представления, предложений так называемого именительного представления по терминологии А. М. Пешковского. Развитие предложения в предикатном направлении привело к зарождению и утверждению односоставных инфинитивных и множества разновидностей безличных предложений. Развитие получил также и особый тип двусоставных эмфатических предложений, которые А. А. Шахматов назвал двусоставными несогласованными. Становление всех названных типов предложения в истории русского языка было долгим и последовательным, см. об этом [7: 56–160].

Все эти типы в современном русском языке блестяще и исчерпывающе описаны Шахматовым в его «Синтаксисе русского языка», нередко и с отдельными историческими комментария-

ми. Уверенно можно утверждать, что «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова – это своеобразная энциклопедия русского синтаксиса, научные идеи которого мобилизуют и направляют исследовательскую мысль вот уже более ста лет, не говоря о систематизированном им колоссальном фактическом материале, о чем писал и В. В. Виноградов [1: 26].

Наряду с предложением как основной единицей синтаксиса предметом изучения в синтаксисе являются, по А. А. Шахматову, также единицы субпредложенческих подуровней – это грамматические единства, соотносительные с грамматическими составами предложения; словосочетания, вычленимые из грамматических единств; и слова, которые со стороны формы характеризуются в качестве частей речи и со стороны функции – в качестве членов предложения. Тех и других у Шахматова оказывается больше, чем обычно принято в традиционных грамматических исследованиях, потому что он часто опирается преимущественно на детализованные семантические критерии.

В заключение приведем обзор членов предложения, составленный самим А. А. Шахматовым, куда входят: 1) главный член односоставного предложения, 2) подлежащее двусоставного предложения, 3) сказуемое двусоставного предложения, 4) двойное сказуемое (одно глагольное, другое адъективное: *Он был болен*), 5) второстепенное сказуемое в некоторых двусоставных предложениях (представляемое деепричастием: *Что имеем, не храним, потерявши, плачем*), 6) главный член господствующего состава несогласованных двусоставных предложений, 7) главный член зависимого состава таких предложений, 8) дополнительное сказуемое в некоторых односоставных предложениях (*Хожу печальный*), 9) дополнительное второстепенное сказуемое в некоторых односоставных предложениях (деепричастие: *Не видав работы, не видать вам и покоя*), 10) зависимые члены: определение, 11) предикативное определение, 12) приложение, 13) предикативное приложение, 14) служебные члены: связки. «Вне предложения стоят обращение и вводные слова» [9: 48].

В соответствии с предметом исследования «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова включает в себя три больших раздела: I. «Синтаксис предложения» с развернутым описанием типологии предложений («Учение о предложении» – 17–273); II. «Синтаксис словосочетания» («Учение о словосочетании» – 273–419); III. «Синтаксис частей речи» (420–508).

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, предмет синтаксиса в его расширенном значении структурирован и включает в себя три уровня. Но единственно главным его объектом является предложение как коммуникативная единица, для которой словосочетания, слова и части речи служат своеобразным строительным материалом, свойства и функциональная предназначенность которого зависят от его положения в предложении. И слово, и часть речи распознаются в связной речи, в предложении, и в этом А. А. Шахматов следует за А. А. Потембей.

Безупречно последовательно и логически непротиворечиво систематизировать огромный языковой материал практически невозможно, тем более, если в качестве основного руководствоваться семантическим принципом, который у А. А. Шахматова оказывается все-таки преобладающим. Именно поэтому у него получается такое большое количество членов предложения, потому же частью речи оказывается,

например, и префикс, лишенный признаков слова – целью оформленности и целью значимости; аналогично обстоит дело и со связкой в качестве члена предложения, хотя она не имеет своего лексического значения. Если бы А. А. Шахматов успел закончить свой «Синтаксис», как задумал, все три его раздела выглядели бы несколько по-другому. Но даже в его незавершенном первом варианте «Синтаксис русского языка» Алексея Александровича Шахматова – это одна из безусловных вершин в истории русской лингвистической науки и в истории русской культуры. Реализованная в нем синтаксическая теория универсальна и неопровержима. Можно уверенно утверждать, что «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова и «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского послужили основной научной опорой впервые составленной у нас в стране Большой Академической грамматики русского языка [3].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Добиаш А. В. Об элементарно-синтаксическом анализе в средней школе (применительно к греческому языку). Киев: Тип. П. Барского, 1899. 47 с.
- ² Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Т. I. Вып. 1–2. СПб., 1911. 339 с.
- ³ Будде Е. Ф. Основы синтаксиса русского языка. Казань: М. А. Голубев, 1913. 47 с.; Он же. Учебник грамматики русского языка. Ч. II. Синтаксис. М., 1913. 76 с.
- ⁴ См. также: Овсянко-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1907. 240 с.
- ⁵ Имея в виду трудные условия жизни ученых в послереволюционное время, М. Горький писал в письме Фрильофу Нансену в начале сентября 1920 года: «Датский Красный Крест прислал продуктов в подарок русским ученым. Это произвело превосходное впечатление в мире работников русской науки. Но, к сожалению, они вымирают один за другим. Умер Шахматов (А. А. Шахматов умер 16 августа 1920 года. – З. Т.), умерли Венгеров, Тураев..., плохо чувствует себя Ольденбург и другие» [2: 130].
- ⁶ Пешковский А. М. Предисловие к третьему изданию // Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е, совершенно переработанное, издание. М.; Л., 1928. С. 7.
- ⁷ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1: Учение о предложении и словосочетаниях. Л., 1925. 441 с.
- ⁸ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 2: Учение о частях речи: дополнения. Л., 1927. 212 с.
- ⁹ Пешковский А. М. Предисловие к третьему изданию... С. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952. С. 3–26.
2. Горький – Нансену // Переписка М. Горького: В 2 т. Т. II. М.: Художественная литература, 1986. 446 с.
3. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1960. 703 с. Т. II. Синтаксис. Часть первая. М., 1960. 703 с. Т. II. Синтаксис. Часть вторая. М., 1960. 440 с.
4. Истрина Е. С. Работа А. А. Шахматова над синтаксисом // Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.
5. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1902. 322 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003707057> (дата обращения 10.08.2024).
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 1. М., 1914 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/rsl01004193636> (дата обращения 10.08.2024).
7. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. 208 с.
8. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 21 т. Т. I. М.: Учпедгиз, 1956. 450 с.

9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.

Поступила в редакцию 27.09.2024; принята к публикации 04.10.2024

Original article

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
savitarsampo@rambler.ru

UNIVERSALITY AND HEURISTIC POTENTIAL OF A. A. SHAKHMATOV'S SYNTACTIC THEORY

Abstract. The article analyzes the syntactic theory of A. A. Shakhmatov from the point of view of its heuristic potential and relevance for modern linguistics. It proves that the concept of communication as the psychological basis of a sentence introduced by A. A. Shakhmatov in the early XX century has always been a reliable key to understanding the sentence as the most important linguistic unit and to explain the directions of its historical development. In contrast to the prevailing opinions in European linguistics, according to which in a combination of two notions that form the basis of a sentence any of them can be the main one depending on the will of the speaker, A. A. Shakhmatov argued that the dominant and subordinate notions of communication depend not on the will of the speaker, but on their own nature: the dominant idea is the idea of a substance in the material world, while the subordinate idea is the idea of its changeable sign or characteristic. This variability of the idea of a characteristic, dictated by the nature of what it denotes, is the impetus for syntactic changes in a sentence, because language, which reflects the experience of ethnic existence, is the most important means for expressing ethnic thinking. This is the essence and heuristic potential of the syntactic theory of A. A. Shakhmatov convincingly confirmed by research on the historical syntax of the Russian language.

Keywords: Shakhmatov, syntactic theory, communication, sentence, sentence typology, thinking, heuristic potential, Russian language

For citation: Tarlanov, Z. K. Universality and heuristic potential of A. A. Shakhmatov's syntactic theory. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):75–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1096

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. The teaching of Academician A. A. Shakhmatov on grammatical forms and parts of speech in the modern Russian language. *From the works of A. A. Shakhmatov on the modern Russian language*. Moscow, 1952. P. 3–26. (In Russ.)
2. From Gorky to Nansen. *Correspondence of M. Gorky: In 2 vols*. Vol. II. Moscow, 1986. 446 p. (In Russ.)
3. The grammar of the Russian language. Vol. I. Phonetics and morphology. Moscow, 1960. 703 p. Vol. II. Syntax. Part one. Moscow, 1960. 703 p. Vol. II. Syntax. Part two. Moscow, 1960. 440 p. (In Russ.)
4. Istrina, E. S. A. A. Shakhmatov's work on syntax. *Shakhmatov, A. A. The syntax of the Russian language*. (E. S. Istrina, Ed.). Leningrad, 1941. 620 p. (In Russ.)
5. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. The syntax of the Russian language. St. Petersburg, 1902. 322 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003707057> (accessed 10.08.2024). (In Russ.)
6. Peshkovskiy, A. M. Russian syntax in scientific coverage. Moscow, 1914. Available at: <https://viewer.rsl.ru/rsl01004193636> (accessed 10.08.2024). (In Russ.)
7. Tarlanov, Z. K. The formation of the typology of Russian sentences in relation to ethno-philosophy. Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)
8. Fortunatov, F. F. Comparative linguistics. *Fortunatov, F. F. Selected works: In 21 vols*. Vol. I. Moscow, 1956. 450 p. (In Russ.)
9. Shakhmatov, A. A. The syntax of the Russian Language. (E. S. Istrina, Ed.). Moscow; Leningrad, 1941. 620 p. (In Russ.)

Received: 27 September 2024; accepted: 4 October 2024